

<http://zavtra.ru/denlit/196/81.html>

Author: Кавад РАШ

Title: ПЕСНИ ЛЕБЕДИНОГО СТАНА

No: Denlit, 12(194)

Date: 17.12.2012

Всё чужое умрёт,

Всё родное останется с нами.

Марианна Колосова

«Зрите знаки времён» – призывал Спаситель учеников, а значит, и каждого из нас. Нигде на земле «знаки времён» не проявляются в таком обилии и многозначительности, как в нашем истерзанном Отечестве расстрельных полигонов.

24 июня 2009 года премьер-министр В.Путин в сопровождении архимандрита Тихона (Шевкунова) посетил некрополь Донского монастыря и возложил розы к надгробию генералов Антона Деникина и Владимира Каппеля, мыслителя Ивана Ильина и православного писателя Ивана Шмелёва, чей сын поручик Сергей Шмелёв был расстрелян красными в Крыму.

При коммунистах в Донском монастыре круглые сутки работал крематорий № 1. Здесь был развеян вентилятором прах Берии, которого убрал маршал Жуков. Теперь розы к могиле белых генералов приносит вчерашний глава Лубянки и Президент России. Путин в то утро вспоминал, что Деникин был непримиримым врагом расчленителей страны и рыцарем единства России. Он напомнил о поразительном мужестве генерала Каппеля, в 30 лет возглавившего русские армии в Сибири. Во время Ледяного похода в районе Красноярска он провалился в прорубь. На раненой ноге началась гангрена. Студент-медик ампутировал генералу часть ноги без наркоза. Каппель велел привязать себя к седлу и продолжал командовать. Генерал Каппель, любимец солдат, был офицером суворовского склада. Спал и ел с солдатами, а в бою впереди всех. В тот же день утром, до визита Владимира Путина, те же могилы в Донском монастыре посетил Святейший Патриарх Кирилл. Не менее поразительным было присутствие в карауле у могил кадет морских классов Его Высочества Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Они заступили на пост в некрополе Донского монастыря 10 февраля 2008 года по ходатайству Фонда содействия кадетским корпусам имени Алексея Иордана. Последний был великим подвижником возрождения кадетства в России и внуком гвардейского офицера и фрейлины императрицы Александры Федоровны, нашей последней святой императрицы, которая говорила после отречения: «Буду мыть полы, но из России не уеду».

К великим знамениям можно отнести и установку бюста генерала барона Врангеля в Сербии на средства правительства России в городе Сремски Карловцы (скульптор Василий Аземша). Именно там находился в 1921-1924 гг. штаб Верховного Главнокомандующего Русской армией генерала Врангеля и там же в 1921 году был созван собор и провозглашено создание Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ). В день открытия бюста генералу

Врангелю там проходил съезд представителей российских кадетских корпусов. Кадеты участвовали в молебне, посвящённом памяти всех православных воинов, сложивших свои головы на поле брани. После литургии кадеты дали концерт и исполнили к радости зрителей песню «Катюша», старинную кадетскую песню «Фуражка» и народную песню сербов «Тамо далеко». Бюст генерала Врангеля в присутствии официального представителя правительства России был открыт 29 июня 2007 года.

Присутствие в некрополе Донского монастыря Владимира Путина, панихида патриарха Кирилла у могил белых вождей, пост кадет морских классов Цесаревича Алексея, бюст генералу Врангелю в Сербии – всё это ошеломляющие «знаки времён» о повороте в мировой истории и начале «собирания камней». И вчерашнего шефа Лубянки Путина, и святейшего патриарха Кирилла привела в Донской монастырь тревога за единение России и желание сплочения её граждан в единую семью без «красных» и «белых», ибо, как учит Писание», «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и дом, разделившийся сам в себе, падёт» (*Лука, XI, 17*).

В России сегодня более ста кадетских корпусов и почти все они возникли «снизу», без содействия властей. Это явление кадет можно отнести к главным знамениям нашего времени, ставшее залогом силы и молодости России. На столетней поверке выявилось, что главным сокровищем двухсотлетней дворянской эпохи оказались не дворцы, музеи, сокровища, театры, заводы, храмы, парки, а 30 беззаветных кадетских корпусов и юнкерские училища, и бессмертная лирика от былинных песен до пушкинских стихов. Кадеты и юнкера проявили высочайшую среди рода людского добродетель – верность. Они не предали «отеческих гробов» и белое георгиевское знамя доблести. Ни один из тридцати кадетских корпусов и все юнкера не приняли насильственное отречение Государя Императора, отвергли Февраль и оружием прокляли Октябрь. Таков был ответ юности тысячелетней России на ложь переворотов. До Всевеликого Казачьего Дона провозвестником Белой борьбы стал Морской Кадетский корпус Цесаревича Алексея, основанный Великим Петром. Февралисты-рenegаты силой разоружили Морской кадетский корпус, давший России за двести лет всех офицеров флота. Юнкера, студенты, кадеты окрасили своей кровью брусчатку Кремля в ноябре 1917 года. Юность, совесть и доблесть России не приняла управляемые перевороты на деньги врагов их родины. Рыцарственная молодежь Руси не могла не породить великих поэтов. Один из них поручик Арсений Несмелов дрался плечом к плечу с юнкерами. И это великий знак: поэзия и правда были с юнкерами. С Белой армией за рубеж ушли более трёх тысяч кадет. Половина из них были обстреляны, а на груди поблескивали георгиевские кресты. За последние двести-триста лет было множество мятежей, названных «революциями» во многих странах. Но за всю историю после воплощения Господня было только одно восстание – великое и священное – это восстание юнкеров, студентов и кадет Москвы, захвативших в ноябре 1917 года белые стены и храмы Кремля. Пятьсот делегатов Поместного Собора сочувствовали им, но ни один из них не стал на сторону юнкеров, как Пересвет и Ослябя. Как ни один монах не последовал за царской семьёй в Тобольск.

Какие же идеалы наследовали юнкера и кадеты? Что они унесли с собой на чужбину в беженское рассеяние, что спасло их в минуты тоски по родине? Пушкин как-то почти проговорился: «Бояр старинных я потомок». Спасла их память о ратной доблести отцов, дедов и прадедов. Только доблесть порождает истинную лирику, главное сокровище нации с былинных времён. В изгнание с Белой армией ушли и её обстрелянные поэты. Сегодня речь о четверых великих певцах рыцарей Белой мечты, чья поэзия слилась с непостижимым жертвенным лиризмом кадет, студентов, юнкеров.

Строки эпитафии принадлежат любимице Белой армии, родившейся на Алтае, Римме Ивановне Виноградовой (Мария Колосова – псевдоним), в замужестве Покровской. Она происходила из старинного столбового рода кубанских казаков-староверов. Её отца, священника, убили кумачовые безбожники.

Гражданскую войну Мария Колосова встретила в Барнауле – столице Алтая. Весь 1919-й год она провела в стане казаков Семиречья в их столице городе Верном (ныне Алма-Ата). Город Верный основал офицер-семиреченец, дед известного генерала Карбышева, умученного нацистами в концлагере.

Марианна Колосова тосковала по Алтаю и часто вспоминала в стихах родной край:

За синеватой дымкой – горы.

Алтай, утёсы, снег и даль.

Мои знакомые просторы,

Моя знакомая печаль.

Весной 1920 года атаман Семиреченских казаков генерал Анненков с частями 2-го Степного Сибирского корпуса пробился с боями к границе и ушёл в Китай. Взяли с собой только стрелковое оружие. Войсковой атаман Оренбургского Казачьего Войска, он же походный атаман казачьих войск Александр Дутов, всю Германскую войну командовал 1-м Оренбургским казачьим полком. За доблесть полк высочайше получил в шефы Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Дутов один из великих атаманов. Он отдал боевое управление честолюбивому генералу Анненкову, сам же возглавил гражданское управление Семиреченским краем, по существу, всем нынешним Казахстаном, кроме земель старинного Уральского войска. Перед этим он с боями во главе Оренбургской армии прошёл Кокчетав, Павлодар, Семипалатинск до Сергиополя. В марте 1920 года с оренбуржцами перешел китайскую границу. Генерал-лейтенант Дутов, выпускник Николаевской академии Генерального штаба, приказал бросить обоз с припасами, всё тяжелое вооружение и прорываться через границу с Китаем на Кульджу только с личным оружием и святыней Оренбургского войска иконой Табынской Божией Матери. С ними уйдёт и Марианна Колосова. Атаман Дутов пугал большевиков непримиримостью и незаурядной одарённостью личности. Они подослали ему в Кульджу убийц. 6 февраля 1921 года генерал-атаман Дутов был убит. Генерал-майор Анненков тогда же с боями перешел китайскую границу.

Беспощадный атаман Анненков начал с того, что с дружиной тайной офицерской организации ворвался в 1917 году в Кафедральный казачий собор

Омска и, захватив знамя Ермака, ускакал с ним в степи для открытой вооружённой борьбы с коммунистами.

Атамана семиреченских казаков агенты красных выкрадут из Китая и будут судить в Семипалатинске, в городе, где после «Мертвого дома» в Омске Достоевский будет второй раз зарабатывать эполеты и напишет «Село Степанчиково». Анненкова-атамана расстреляют, но суд над атаманом станет искрой, которая воспламенит гений сына есаула и величайшего поэта XX столетия, который через десять лет напишет гениальную песнь «О гибели казачьего войска», полную яростного эпического бесстрастия. Ничего подобного со времён «Слова о полку Игореве», написанного воином-монахом в 1200 году, в русской словесности не было.

*Ярки папахи и пики остры,
Всходят на знамени черепа,
Значит, недаром бились костры
В чёрной падучей у переправ.*

.....

*Войско казачье – в сотни да вскачь
С ветром пыльным вровень – лети.*

Тем временем прорастала новыми стихами беженская бесприютность любимицы Белой эмиграции Марианны Колосовой. Из Харбина доносится её тоскующий голос:

*И здесь в чужом холодном мире
Вдруг, не сдержавшись, закричу:
«Эй, далеко ли до Сибири?
Гони, ямицик! Домой хочу».*

О чём думает настоящая русская женщина, оказавшись на чужбине без гроша в кармане? Она думает о боевой летописи своего Отечества со времён Аскольда и Дира, штурмовавших Царьград на стругах в 860 году, ещё до князя Олега. Это стихотворение под названием «В броню закована» она предваряет словами: «Русскому Общевоинскому Союзу посвящаю», дабы укрепить дух офицеров-творцов «Галлиполийского чуда» и их вождя генерала Кутепова. В русской поэтической ратной летописи тысячелетия Марианна Колосова не может не вспомнить родную Сибирь.

*Восток далёкой снежной тайной
Манил вечернюю зарю...
Отдал Ермак Сибирь бескрайнюю
В подарок Грозному Царю.*

На Руси никогда не было православных крепче староверов. Их отличали сильный ум, характер, и память, и национальное чувство. Оплотом староверов были всегда Русский Север, Сибирь и казачьи войска. В Уральском войске, самом кондовом, число староверов достигало во времена Даля и Пушкина до 90 процентов. Двоеперстие и борода были для них внешним выражением символов веры. Не зря Даль, об уральских казаках скажет: «Борода ему дороже головы».

Марианна Колосова, из «огнепальных» староверов, напишет о крепости староверов Алтая, где хранили «русский обряд»:

*Край, где люди по-хорошему просты,
Где размашисты двуперстные кресты.
Где умели и в молитвах, и в бою
Славить родину великую свою.*

И добавит с грустью: «Там, где были староверские скиты, Нынче травы да лазоревы цветы». Собственно, все святые Романовского периода и все чистые монархисты – это староверы по духу. Только староверческий огонь Колосовой мог породить строки:

*Я упасть под мечом иноверца
И гореть на костре не боюсь,
За Христово пронзённое сердце –
За тебя, Православная Русь!*

Стихи Колосова начала публиковать в Харбине, столице Маньчжурии, в русском пассионарном очаге. Харбин жил самой интенсивной русской жизнью на планете. Русские гимназии, вузы, издания, театры, храмы. Обстрелянная молодежь. Место поприща одного из великих атаманов генерала Семёнова. Здесь особо уместны строки Марианны Колосовой, под которыми подписался бы любой русский харбинец:

*Как честь свою, как веру в чудо,
Мы знамя русское храним.*

После оккупации Харбина японцами Марианна Колосова в 1934 году с мужем, белым офицером А.Н. Покровским перебралась в Шанхай. Но в 1949 году Китай стал красным, и они с супругом перебрались в Бразилию. Чем дальше Марианна Колосова удалялась от России, тем сильнее становилась её тоска по родине. В стихотворении «Бессмертник» она выражает не покидающее её чувство:

*Реки, степи, леса...
Сколько воздуха, солнца и шири!
И звенят голоса
Старой песней о Русской Сибири!*

.....
*«Жили мы на Оби, –
Так рассказывал дедушка внуку. –
Ты свой край люби
За красу, за отвагу, за муку!»*

Марианна Колосова знала – нигде на свете не дышится так легко, как в Сибири, и нигде мир не кажется таким просторным, как на её родине, где теперь ветер гонит по её просторам мотки колючей проволоки – части её гулаговского тернового венца. Староверческая верность спасает её всюду.

Как щитом, я укроюсь Тобою,

Православная вера моя!

Её называли бардом Белой армии, и Марианна Колосова до последнего вздоха осталась верна Лебединому стану.

Смотрит в зори печальными взорами

Лебединая светлая рать.

Тяжело... над чужими озёрами

Лебединые перья ронять...

На её могильном камне выбиты строки из её стихотворения:

Смертны и ты, и я.

Сомкнем усталые веки,

Но Россия жива моя –

И теперь, и потом, и навеки.

На могильном кресте табличка со всеобъясняющей надписью: «Русская национальная поэтесса», и годы жизни 1903-1964.

Когда большевики захватили обе столицы, Белая армия могла возникнуть и начать своё бытие только на казачьих землях – на Дону, на Кубани и на Тереке. Выбор пал на Дон. Здесь их Лебединый стан.

Устранение русского царя Россия встретила, располагая на своих рубежах Пояса Богородицы одиннадцатью казачьими войсками. Ни одно из этих одиннадцати войск не приняло так называемого отречения от престола императора. Все одиннадцать казачьих войск со своими атаманами объявили войну коммунистам. Геноцид казачества назовут «расказачиванием». Казаки в смертельные для Отечества часы показали миру, что русский народ единственный в мире «казакообразующий» народ. На угнетение, террор и расстрелы русские ответили таким уникальным явлением как «показачивание». Это выразилось в немедленном создании трёх новых казачьих войск – Алтайского, Енисейского и Иркутского. И все в пределах Сибири. Это явление глубинное и древнее.

В своё время угроза нации породила былинное богатейство. Теперь опасность породила духовный подъём казачества, а с ним и такое песенное явление как великие поэты из казачьей среды. Дон выдвинул казачьего офицера Николая Туроверова, Сибирь – Марианну Колосову с Алтая, Семиречье – Павла Васильева. Сюда можете добавить крупнейшего писателя-казака Михаила Шолохова и самого великого мыслителя после Платона и блаж. Августина – монаха Андроника (в миру – Алексея Лосева).

Могли ли эти явления отметить наши историки, которые давно стали буравящими свою долю источникововедами, что неминуемо приводит к т.н. профессиональному кретинизму. Даже в веке XIX века историки ещё пытались видеть предмет *in vivo* (лат. – на уровне целого организма). Правда, самобытную историю России они лепили с французской кальки. Потому весь XIX век, за исключением таких историков как Иловайский, Иван Забелин, породил одни убожества. Даже лучший из них Сергей Соловьёв не признавал за казачеством равноправную и полезную для государства и общества

историческую силу. И это о казаках, которые создали Россию. А знаете почему? Ответ прост и ясен. Потому что ни во Франции, ни в Европе не было казаков. Потому исследователь упирался профессорскими рогами в «новые ворота». А с любимцем либералов ироничным и писучим Ключевским ещё хуже. Он, как подобает безродному разночинцу, воспринимал историографию как особый род обличительной публицистики против «проклятого царизма». Не случайно Ключевский породил в качестве либерального ученика такого скорпиона и германского шпиона как профессор Милюков – лидер думских кадетов. Русским офицерам за рубежом была невыносима сама мысль, что этот предатель-профессор умрёт своей смертью. Они стреляли в Милюкова, но по ошибке убили другого цареворца и либерала Набокова, кстати, отца певца Лолиты, писателя Набокова. Тот же Ключевский в своём пятитомном курсе русской истории посвятил путаные и тёмные пол-абзаца Сибири. Горький, тот хотя бы не скрывал, что ненавидит мужика, священника и казака. Буревестнику ГУЛАГа были милы челкаши, босяки и бомжи из пьесы «На дне», т.е. те, кто разлагает государство. Особо Горький не жаловал и своего антипода Павла Васильева. Инстинкт у «пролетарского» писателя не притупился. Если Васильев, в духе времени, воспевал забитых и сирых киргиз и ругал их угнетателей и господ крепких казаков или обличал крутых кулаков и защищал бедноту, то у Васильева почему-то и казаки, и кулаки выходили красочными, страшными сильными, а киргизы и бедняки бледными и невзрачными. Не мог Павел Васильев побороть в себе врождённой тяги к породе, силе и ярости. Если Горький написал «Мать», то Васильев, скорее всего, написал бы «Отец». Павел Васильев в Москве, знакомясь, решительно представлялся: «сибирский поэт». Мог ещё добавить «сын есаула».

Молодых поэтов, друзей Васильева, критики с тревогой окрестили «Сибирской бригадой». В памяти гонителей ещё жил восторг всей России перед доблестью Сибирской бригады казаков генерала-сибиряка Эрнста Раддаца, ворвавшихся в Эрзерум в начале 1916 года. Захват Эрзерума, ключа к Малой Азии, по сути, решил исход мировой войны в пользу России, которой после падения Эрзерума был обещан союзниками Босфор и Константинополь. Исход войны для России решил, стало быть, Кавказский фронт. Военные историки из окружения ренегата генерала Головина типа Масловского все заслуги приписывали Юденичу и себе, или предавшему Царя князю-истеричу Николаю Николаевичу («Николаша»). Ревность между военными не уступает интригам в театральной среде. Военные-штабисты скорее удавились бы, чем признали главенство казаков. Между тем казаки на Кавказском фронте даже по численности составляли половину войск, и половину не худшую.

На Кавказском фронте после Эрзерума действовали семь корпусов. Из семи командиров корпусов пять были казачьи генералы. Такого качественного соотношения ещё не было в истории войн России. Этот великий сдвиг в пользу казачества не выявлен до сих пор военными историками (как у нас, так и за рубежом). Кстати, ядром Сибирской бригады Раддаца был 1-й Сибирский Ермака Тимофеевича казачий полк, который на театр войны привёл тот же Эрнст Раддац – новомученик, зарубленный с 68 своими офицерами на станции Ладожской близ Армавира летом 1918 года.

Первую мировую войну для России, кроме всех известных факторов, выиграл Царь и казаки. На острие императорского прорыва 1916 года, который именовали вначале «Луцким», а большевики в награду за предательство – «брусиловским», стояла 175-тысячная армия генерала от кавалерии Каледина, будущего атамана Дона. Брусилов был самый бездарный из генералов Западного фронта, который двадцать лет до войны кроме привилегированного кавалерийского училища ничем не командовал.

На Московском совещании (1917 г.) генерал-атаман Каледин гордо заявит: «Казачество не знало дезертирства».

Это святая правда. Казаки дрались до конца с Петровской гвардейской бригадой генерала Кутепова. Казаки по всему фронту вылавливали расхристанных дезертиров, угощая их нагайками, как до войны перетягивали нагайками предтеч ГУЛАГа, лузгающих «гегемонов» и интеллигентов. Императрица Александра Фёдоровна в тревожные часы после отречения сказала: «Казаки нам не изменят».

Кромвель говорил, что он «стрела в колчане Бога». Коли так, то почему казачья нагайка, спасавшая святорусское царство от орд расхристанных безбожников-демонстрантов, подготовлявших кровавые ямы ГУЛАГа, не должна быть благословлена как «Господня нагайка» и почитаться как священный Георгиевский атрибут христоролюбивого казака. По воспоминаниям очевидцев, одна такая нагайка ожгла молодого плешивого интеллигента, который тут же взлетел на ближайший забор. Это был Владимир Ульянов.

В начале XX века казаки добились такого же влияния, как в XVII веке. Не зря великий Аввакум называл себя «атаманом полка Исуса». Атаманы были уже в чести. Они гнали поляков из России и возвели в 1612 году на престол Романовых. Царствующий Дом никогда не забывал, кому он обязан престолом. После 1612 года царь Михаил от имени отца патриарха Филарета отправил на Дон послов с грамотой на имя Казачьего круга, где благодарили казаков за изгнание ляхов, умиротворение Руси и помощь в обретении Русью новой царствующей династии. На памятнике Минину и Пожарскому не хватает казака и самой главной фигуры 1612 года патриарха Гермогена из донских казаков. Всё сказанное говорит о том, что казачество не могло не выставить из своих рядов таких светочей общерусской культуры как Михаил Шолохов, монах Андроник (Алексей Лосев) и Павел Васильев.

Впервые упоминание «Песни о гибели казачьего войска» промелькнуло в Омской газете «Рабочий путь» в мае 1928 года. Васильеву было тогда 19 лет. В том же 1928 году Павел Васильев в Новосибирске впервые читает друзьям «Песнь о гибели казачьего войска». От его выразительных строк веяло свежестью и утраченной былинной мощью.

*На буграх прииртышских поджарые кони паслись,
Этих лыцарей с Яика, этих малиновых шапок,
Этих сабель свирепых и длинных пицалей,
И в Тоболе остались широкие крылья знамён,
Обгоревшие крылья, которыми битва махала.*

Его друзья, сами поэты, слушали, онемев, высокого худощавого юношу, встряхивавшего светлыми кудрями и обжигавшего синим огнем глаз. Он сказал, что будет первым поэтом страны... Они верят – он уже первый, первый и самый великий после боя у Чёрной речки в январе 1837 года.

Павел мечтает о «казачьей Илиаде» и вынашивает идею песни о походе казаков атамана Платова к Индии. Друзья называли его «казачьим национальным поэтом».

В Москве в 1932 году Павел читает в присутствии поэта Клычкова «Песнь о гибели казачьего войска» Мандельштаму и Клюеву. Оба потрясены. Перед ними явился исполин, вдруг переросший всех поэтов века. Синеок, худощав, высок, с пальцами пианиста и нравом тигра. Друзья сравнивали его с беркутом. Он с друзьями-сибиряками ворвался в Москву как завоеватель. Власти его пытались стреножить и в 1932 году арестовали. В Рязанской тюрьме он написал автобиографическую поэму «Христоробовские ситцы». Через двадцать лет после гибели Васильева Пастернак плакал над «христоробовскими ситцами». Он говорил, что до сих пор в России ни один поэт не может быть сравним с Павлом Васильевым.

К гибели Васильева руку приложил и Горький, обвинив его в фашизме в руководящей «Правде». Павла Васильева убили в 1937 году. Ему было 27 лет. Он один из Лебединого стана.

БЛАЖЕННЫ ОТВАЖНЫЕ

В «Юности честное зеркало» Петр I напишет (1717 г.): «Младой отрок должен быть смел и отважен и не робок; совершенен в языках, конной езде, танцевании, шпажной битве, к тому же красноглазов и в книгах научен». Это совершенно новый тип русского дворянина, славный не родовитой спесью, а отвагой, умом, энергией.

Таков идеал Петра. Он сам всю жизнь и будет показывать пример подданным в абордажном бою, на верфях, у станков, у орудий, при насаждении садов, на капитанском мостике с десяти лет и до смерти.

Ещё в 1697 году после священных Азовских походов он напишет в наказе своим молодым стольникам: «Сколь возможно, искать того, чтобы быть на море во время боя».

Исапостол-моряк, наш «Спас земной» со времён грозных потешных полков дерзновенно убеждал: «Блаженны отважные!»

Суворов наиболее полно воспринял боевой православный оптимизм Петра, «Огнестрельного художника» (как было записано в Дипломе, полученном царём после сдачи артиллерийских экзаменов в Кенигсберге в 1697 г.), и велел в Альпах перевязать Чёртов мост, 60 шагов в длину и семь шагов в ширину, офицерскими шарфами.

Суворов, как и Пётр, знал, «что Бог всегда с самым храбрым батальоном». Чем бесстрашнее воин, тем ближе он к Богу. Под Очаковом Суворов воскликнул с обнажённой саблей в руке: «Христос среди нас», а Потёмкину, которого он именовал в письмах «Светлейший князь, мой отец», святой граф Рымникский в

58 лет напишет: «Жаль, не был на абордаже». Мужчины, наследники Петра тогда ещё мечтали об абордажных схватках, ибо в сечах рождалась Святая Русь. Этот же дух абордажного Помазанника помог выстоять при Бородине.

Гвардейский экипаж первым вступил в битву и последним покинул Бородинское поле. Тот же бессмертный дух Петра удержал в 1941 г. на Бородинском поле сибирскую дивизию и таинственно окрылял батальоны «афганцев» за Гиндукушем и в Аргунском ущелье 6-ю роту.

За всю человеческую историю ни одно здоровое общество, кроме наших демократов, не поставило под сомнение самурайский постулат: «вишнёвый цвет первый между цветами, воин первый между людьми». Государство, ставящее под сомнение этот победный императив, неминуемо исчезало с карты мира при любых взлётах искусства и мысли. Сегодня лучшим подтверждением этого положения служит обстановка на Ближнем Востоке. Более полувека противостоят друг другу вооружённые израильтяне и арабы. Триста миллионов арабов сгрудились над восьмимиллионным Израилем. За 60 лет в трёх крупных войнах победил Израиль.

Арабы митингуют, взрывают, стреляют, негодуют, швыряют камни, а Израиль становится только крепче. Всё дело в том, если убрать тысячи частных, то выясняется, что офицерский корпус всех силовых структур 8-миллионного Израиля сильнее офицеров 300-миллионной Лиги арабских государств.

Саддам Хусейн покупал танки, самолёты, орудия, давал своим дивизиям древние и устрашающие имена: «Медина», «Салах-эд-Дин (Саладин, курд, победитель крестоносцев), «Хаммураппи» (владыка Вавилона во II тысячелетии до н. э.), но боеспособность и верность офицеров не соответствовала историческим именам. Египет накачивал мускулы от Насера до Мубарака – оба, кстати, профессиональные офицеры. Но смогли ли они за целых полвека создать офицерский корпус, который по уму, характеру и верности являлся бы эталоном нации и был бы уважаем в мире за доблесть?

За эти же полвека вокруг проблем Передней Азии подвизается и кормится целая армия востоковедов, политологов, специалистов по исламу, консультантов, одним словом, п а р а с и т о в, как сказали бы в античные времена на том же Востоке, в Сирии Селевкидов, но ни разу ни один из них, как и власть, которую они обслуживают, не вскрыл главную проблему противостояния, а именно – духовно-нравственную природу противостоящей военной силы.

Мы говорим об офицерах, ибо рядовые приходят и уходят, и только офицерский корпус является носителем боевых традиций, верности и национальных огней. «Офицерские шарфы» – вечный эстетический символ военно-духовной доблести и ткался из прочных шёлковых нитей цвета национального имперского флага.

Потому в заключении из управляемого хаоса мусульманского Востока вернёмся на нашу родную почву, лидирующую в мире по хаосу.

Какие же идеи заложил в духовный облик православного офицера создатель русского офицерского корпуса и величия России её Отец Пётр Великий, причём, всюду личным примером?

Первейшая добродетель – наступательное бесстрашие или, как выражался Помазанник, – воин должен «идти не под лапу, а в самую пасть зверя». Именно

поэтому Пётр основал новую столицу на переднем крае военного театра, под жерлами вражеских пушек. Не имея на Балтике ещё ни одного корабля, в герб столицы вписал два скрещённых якоря, уверенный, что только в Боге «небываемое бывает».

При Гангуте Пётр не только атаковал врага «по обыкновению», но требовал предельно сблизиться с противником. Шведские пушки не могли остановить русский натиск. Они расстреливали русские суда в упор, но не избежали абордажных мостков. Сближение было настолько предельным, что иные из русских моряков, по словам царя, не ядрами, «а духом пороховым были разорваны». Пётр, как всегда, был впереди своих бойцов.

Дело решали холодным (белым) оружием. А в словах «духом пороховым были разорваны», кроме мужественного утверждения, слышатся даже нотки восторга учителя за своих гвардейцев, выдержавших высший на земле экзамен – испытание короткой дистанцией рукопашного боя.

Только такой бой рождает великий офицерский корпус и поэтов. Пётр приучал потешных к этому с юности. На маневрах под Москвой с потешных и стрельцов бывали и раненые, и убитые.

При деревне Лесное в Белоруссии (1708 г.), «матери Полтавской победы», состоялось сражение, по словам Петра, «жарче Полтавы». Жестокая сеча корпуса генерала Левенгаупта с гвардией и казаками Петра длилась весь день. Здесь окончательно родился новый русский офицерский корпус. Шведская картечь проделывала среди зелёных мундиров русской гвардии целые просеки. Но преображенцы и семёновцы, ведомые царём и князем Михаилом Голицыным, вновь смыкали ряды и шли упорно в штыки. Именно после Лесной Левенгаупт изумлённо заметил: «никакая другая нация не держится в бою лучше, чем эти полки».

Тогда же у русского офицерства родился на века и боевой эталон. Им стал князь Михаил Михайлович Голицын, записавшийся в «потешные» 12-летним отроком. Он неизменно после картечи возобновлял атаки и шёл впереди полка под пули невозмутимо с трубкой в зубах. Восхищённый Пётр сказал, что «князь Голицын дрался, как лев», и назначил его первым полковником лейб-гвардии Семёновского полка.

Нация достигает мирового ранга только тогда, когда она выставляет из своих рядов не «бизнесменов», «шоуменов», и экономистов, а мужчин, готовых сломить врага в рукопашном бою грудь в грудь, ищущих самые опасные пути и готовых к схватке всегда, пользуясь выражением фельдмаршала Людендорфа: «*Bis zum Messer!*» – вплоть до поножовщины.

С незапамятных времён народ вырабатывал свой спасительный идеал мужчины. Им оказался былинный боец. Пётр создал новый тип национального героя, им оказался гвардеец в офицерской чёрной треуголке, повязанный офицерским шарфом. Этот же тип офицера-подвижника воплотил и сам князь Суворов, передав эстафету 17-летнему артиллерийскому офицеру Алексею Ермолову под Варшавой и главному народному герою 1812 года атаману Матвею Платову. В 1862 году поставили памятник 1000-летию русской государственности в Новгороде, и следующие полстолетия пришлись на время классической русской литературы, которая впервые за тысячелетие со времён митрополита Иллариона

разошлась с национальной столбовой традицией и, вопреки призыву Суворова «Равняйся по передним!», в лице Достоевского стала призывать к еретической безблагодатной «всемирности» и утверждать: «все мы вышли из «Шинели», причём, шинели не Суворова и Ермолова, а из шинели раздавленного писаря Башмачкина и всех униженных и оскорблённых, бедных людей, убийц старух с топором, а следом появятся босяки буревестника ГУЛАГа, его «челкаши» и бомжатник «На дне».

Однако в эти же годы за честь России заступился начальник Николаевской академии Генерального штаба генерал Михаил Драгомиров, подвергший уничтожающей критике роман Льва Толстого «Война и мир». Антитолстовскую непримиримую позицию займёт и величайший русский святой и общерусский молитвенник праведный Иоанн Кронштадский.

Генерал Драгомиров в противовес гнилому непотвлению выдвинет петровскую идею «штыкового воспитания». Либералы тут же спустили с цепей всех интеллигентных борзописцев против генерала Драгомирова. Стали на все лады высмеивать его отсталую теорию штыкового боя в период огнестрельного оружия. При этом пацифисты-смердяковы извращали самую суть идеи Драгомирова.

Под штыковым ударом Драгомиров воспевал вечную идею мужества и короткой дистанции в бою. Памятуя знаменитую формулу Суворова «Пуля дура – штык молодец», бывший офицер свт. Игнатий (Брянчанинов) напишет на Кавказ генералу Николаю Муравьёву-Карскому: «Когда пуля неожиданно поумнела, следует посмотреть, в какой цене остался штык». Свт. Игнатий нередко писал, что «знамя Христа развевается над моим письмом». Генерал Драгомиров крупнейший русский военный учитель, пригвоздил расслабленных либеральных критиков суждением: «На сорока шагах пуля молодец, потому что становится штыком». Отстаивая петровско-суворовскую офицерскую традицию, Драгомиров дал убийственную формулу русского боя: «Залп в упор – тот же штык».

Петровско-суворовская школа учителя офицеров Драгомирова торжествовала в Белой армии. Первыми без выстрелов в молчаливую штыковую психическую атаку пошёл в начале 1918 года под Ростовым-на-Дону отряд юнкеров, студентов и кадет, и разметал красных штыками. Потом в грозно-молчаливые психические атаки ходили «марковцы». На кистях рук грозных офицерских рядов тускло поблёскивали рубиновые чётки в знак готовности к самопожертвованию. Чётки подарили офицерам монахини, освобождённые марковцами из красного заточения. Эти офицерские атаки подтверждали необъятную глубину суждения Клаузевица, что цель победы не уничтожение физической силы противника, а «уничтожение духа врага».

Советский зритель увидел психическую атаку белых офицеров-«капелевцев» в фильме режиссёра Александрова «Чапаев». Сам «катакомбный» дворянин Александров шёл в рядах белых офицеров с папиросой в зубах. Власти в кумачовом испуге требовали вырезать атаку капелевцев, но её отстоял Ворошилов, на самом деле по указанию Верховного режиссёра Сталина. Последним носителем духа русского штыкового боя императорского периода, видимо, можно считать генерала Анатолия Владимировича Фока (1879-1937),

кавалера ордена св. Георгия IV степени (1916). Капитаном Анатолий Фок преподавал в офицерской фехтовальной школе. Он был из поколения юнкеров, показанных Никитой Михалковым в фильме «Сибирский цирюльник». Генерал Фок воспринимал гражданскую резню как войну религиозную и рядовым ушёл в 1918 году с генералом Корниловым в «Ледяной поход». Вскоре артиллерист Фок занял генеральскую должность в Белой армии. Генерал Анатолий Фок был прирождённым мастером штыкового боя.

Около восьмидесяти офицеров вступили в ряды испанской армии и служили в Северной Африке. Именно эти русские офицеры стали зачинщиками мятежа генерала Франко! Оставшиеся в живых белые офицеры после войны были награждены генералом Франко. Сам Франко войну в Испании никогда не называл гражданской, а только религиозной войной против левого безбожия. Так же события в Испании воспринимал живший во Франции генерал Фок. Он с величайшим трудом пробрался в Испанию и вновь рядовым вступил в ряды франкистов.

В августе 1937 года генерал Фок погиб в долине реки Эбро около Сарагосы. Он вместе со своим другом капитаном Лопухиным погиб в штыковой атаке, пробиваясь из окружения. Генерал Фок погиб в 58 лет в 57-й в жизни штыковой атаке.

Тысячи бывших офицеров Белой армии работали на заводах и водили такси в Париже, став самыми честными таксистами Франции. Все офицеры страстно мечтали продолжить своё военное образование. Им подсунули в качестве руководителя офицерских курсов бездарного генерала Головина, одного из тех, кто в 1917 году предал Государя Николая II. Из этого же круга был начитанный и трескучий военный историк и публицист Керсновский. Последний, как и генерал Головин, считал патриотичным ругать всё немецкое и отпускать нелепые филиппики в адрес великого Клаузевица.

В Великую Отечественную войну глубокие национальные корни штыкового боя проявились с новой силой.

Штыковой удар зародился в петровской армии, в сугубо русской военной среде, когда в армию не рекрутировали даже малороссов. Штыковой натиск требует единодушного, однородного порыва. Формула Драгомирова «Залп в упор – тот же штык» заработала не только в пехоте, но и во всех видах и родах войск.

Глазомер и короткая дистанция были залогом успешной торпедной атаки на море. Высший уровень хладнокровной атаки демонстрировали бесстрашные катерники. Залп в упор стал в воздушном бою равносильным победе. Самый великий наш лётчик в войну дважды Герой Советского Союза Борис Сафонов из морской авиации так сблизился с противником, что стекло его кабины бывало забрызгано маслом от мотора немецкого самолёта. Лётчик Северного флота Борис Сафонов рано погиб из-за отказа мотора.

Особой славой в войну покрыли себя сибиряки, за передвижением которых на фронте следили во всех немецких штабах. Немцы знали, что сибиряков, как правило, ставят на прорыв или против эсэсовских частей. Штыковая атака сибиряков отличалась особой холодной яростью, как и натиск морской пехоты. Без вооружённой силы ни одно государство, достойное этого имени, существовать не может, тем более наше Отечество, имеющее больше всех в

мире государств-соседей. Сколько бы не было видов вооружённых сил, у России всегда на один вид было больше – на казачество. Без казачества никакая армия не могла бы защитить границу от Дуная до Амура. Если Россия хочет жить, она обязана возрождать казачество, как первейшую проблему государства. В век глобализации возрастает роль границ. США и Израиль даже возводят бетонные стены вдоль границы. Греция собирается стеной отгородиться от Турции. Граница – нестерпимый враг всех креативных мошенников от века.

Совершенно справедливо мнение, что казаки создали Россию. Сегодня только сильное, зажиточное, многодетное казачество способно заслонить и уберечь Россию. На сегодня мы имеем преступно распахнутые границы, через которые не проникают, а валом валят мигранты, гастарбайтеры, наркодельцы и преступники. Число этого нашествия, вытаптывающего Россию, достигает полтора десятка миллионов человек и более. Советская граница с контрольно-следовой полосой (КСП). При уничтожении казачества эта граница была величайшим достижением СССР, превосходящим по значению и прорыв в космос, и атомный проект, и ядерный флот.

В наше время креативных воров трудно поднимать эти темы. У нас остались киношно-телевизионные «мужики» со слабыми коленками, водкой и матом, а мужчин можно заносить в Красную книгу. В самом ужасающем состоянии находится военное воспитание. Мы первые в мире по абортам (детоубийству), по секстурам, по панелям, по брошенным матерями детям, по разводам. Но именно у нас в кадетские корпуса воспитывать мальчиков ломаются женщины. Не сумев воспитать в своих дочерях целомудрие и верность, они теперь решили из мальчиков делать мужчин.

Эрих Фромм был прав в 1926 году, а сегодня он был бы прав тысячекратно, сказав: «Лечить всех надо», когда посетил Москву в 1926 году.

АНИКОВИЧИ. ПОЭЗИЯ ДЕЛА

Каждая жизнь человеческая, как и жизнь общества и государства, и всех его учреждений и сословий, всех полков, казачьих войск, училищ, военных корпусов, церквей и приходов, имеет житейское реальное измерение, которое отражается изустно и печатно. Но существует оно ещё и в Божественном измерении – таинственном и непостижимом.

Двести лет роль священства святорусского царства выполняли полки лейб-гвардии императора, со времён потешных став своеобразными православными военно-духовными орденами. Они служили Помазаннику – царю, Богу и Отечеству (Саду Пречистой). Даже после отречения царя, когда фронт стал разваливаться, а солдаты, оскорбляя офицеров, покинули позиции, генерал Лавр Корнилов доносил с передовой, что «сражается только Петровская бригада». В эту Петровскую бригаду входили полки Семёновский и Преображенский. Русская гвардия, созданная Петром, с доблестью прошла через Германскую войну и религиозно-гражданское кровопролитие. Последним командиром Преображенского полка стал Александр Кутепов, награждённый за войну орденом св. Георгия IV и III степеней. Он же, генерал Кутепов, станет автором

величайшего Галлиполийского чуда преображения армии и возглавит в Париже Русский Общевоинский Союз (РОВС) и погибнет на этом посту. Племянница Кутепова, бывшая «смолянка» Мария Лисова (в замужестве Шульц и Захарченко) в войну станет боевым штаб-ротмистром и Георгиевским кавалером. Мария Лисова, отважная красавица с алмазным характером, сверкнёт закатной звездой святорусского царства, став самой прекрасной женщиной в тысячелетней русской истории. Мария Лисова попадёт в засаду, устроенную чекистами. И погибнет с оружием в руках на Смоленщине. Убийцами исторической России стали левые партии и левое сознание подавляющего большинства населения России. К 1917 году в Учредительное собрание прошли 97,3 процента депутатов от левых партий! Самых большевиков, которые узурпируют власть, было только четверть депутатов. Левые партии – суть партии исключительно безбожные. Среди священнослужителей этот процент левизны зашкаливал и достигал 98 процентов. Другими словами, клир почти поголовно был левославен, а значит, безбожен. Как говорил святой Иоанн Кронштадский «...носитель и хранитель России после Бога есть Государь, Царь Самодержавный, без него Россия не Россия». Первомученик святой митрополит Киевский Владимир утверждал, что «священник немонархист всегда полувер», т. е. ущербен и не может считаться православным. Самого митрополита Владимира матросы замучили в Киево-Печерской Лавре почти на глазах монахов, число коих достигало тысячи человек. Несомненно, эта тысяча монахов были полуверы-немонархисты. Как скажет священномученик, великий протоиерей Иоанн Восторгов: «...и суд Божий возгремел!..»

Вряд ли кто-то из этой тысячи псевдомонахов-полуверов избежал расправы коммунистов.

Это напоминало осаду Константинополя турками в 1453 году. Тогда на стенах стояла горстка ромеев с императором и несколько тысяч западных наёмников, а шесть тысяч монахов забились по щелям в городе. Константинополь был обречён и «Святая София», это «недрёманное око Вселенной», станет мечетью. Именно поэтому создатель русской гвардии, этих военно-духовных полков, заклинал подданных пуще всего бояться «уподобиться державе Византийской». После Второго Рима пришло пасть Третьему, «а четвёртому не быти». Если истинно православные монархисты служат Богу, то левославные «полуверы» немонархисты служат его противоположности. Только поэтому Поместный собор в Кремле с нечистым ликованием вынес вон портрет Государя императора и приветствовал «благоверное Временное Правительство» и, первым делом, путаясь в ризах, сбегали за саккосом (рубищем) любимца либералов цареворца Никона. Рубище монаха Никона, усыпанное драгоценностями, стоило столько же, сколько получали в год девять тысяч дьяконов.

Левые депутаты не допустили на собор монархиста митрополита Московского свт. Макария, почти вытолкнув его вон, и приветствовали «великий и бескровный» Февраль преступников. Заводилами в Думе были левые профессора из кадет во главе с германским шпионом Милюковым. Более подлой и жалкой профессуры не рождала ни одна земля.

Только из-за полуверия и безбожной левизны ни один из четырёхсот иерархов русской церкви не поехал с Царской Семьей в ссылку в Тобольск. Среди убиенных с Царской Семьей в Екатеринбурге есть представители всех сословий, кроме духовенства.

Здесь встаёт вопрос всех вопросов: «Кто виноват в убийстве Царской Семьи»? Убийство царя произошло в Русском доме. Говорят, виноваты те, кто возбуждал, организовывал и подстрекал к убийству. Поставили тем самым всё с ног на голову. Если в одной семье дети убили отца, а на суде сыновья утверждают, что на них особой вины нет, а главные виновники чужаки, подстрекавшие к расправе, то таких детей следует признать или слабоумными или недалёкими мошенниками. Потому вина за насильственное отречение царя и за убийство его Августейшей Семьи лежит на его коренных согражданах и подданных, на тех, чьи предки давали клятву верности Романовым в 1613 году. Именно потому свою проповедь, посвящённую памяти царских мучеников, святой митрополит Шанхайский и Сан-францисский Иоанн (Максимович) назвал: «Кровь его на нас и на детях наших».

Таким образом, вина за убийство Царской Семьи не на восемьдесят или девяносто, а на все сто процентов лежит на русском народе.

Малороссия в 1613 году ещё не входила в состав Русского государства. К тому же перед 1917 годом губернии Малороссии были более других верны самодержавию почти наравне с областями 11 казачьих войск. Более того, эти же земли были оплотом Союза Русского народа (СРН).

Тем не менее, вина за убийство Царя и Его Семьи лежит на всех ветвях русского народа, т. е. на языке императорских времён: на великороссах, белорусах и малороссах.

Малороссия называлась «Малой» не в попытке её умаления, как кажется самостийникам, а по аналогии с Элладой. Первоначальная, коренная Греция называлась Малой как её светоносный и величественный исток. Когда греки разбрелись вдоль берегов Средиземноморья, они образовали Большую Грецию вне богов Олимпа.

Россия к 1917 году выиграла Первую мировую войну ещё на имперском потенциале. Государь Николай II приказал десантным особым дивизиям в первых числах апреля занять Константинополь. Но в первых числах марта его принудили к отречению из-за думских креативных жуликов, и предателей вроде генералов Алексеева, Рузского, Брусилова, Головина и пр.

Февральский преступный переворот удался потому, что Россия уже была самым левым государством в истории человечества. Вместо слова «левый» можно уверенно ставить слово «больной», «ущербный» или «преступный». Ожидавшая её катастрофа была теперь равна её левизне.

Левые народы, т. е. безбожные, обречены на неминуемое исчезновение. Как говорил один из четырёх великих пророков древности: «Народ и царство, которые не захотят служить Тебе, погибнут, и такие народы совершенно истребятся» (Исайя, 60:12).

Возможно, поэтому премьер Великобритании Маргарет Тэтчер, известная «железная швабра», заявила в Брюсселе, что к 2050 русских останется только 15 миллионов человек. Кстати, к убийству Царской Семьи более других причастна

Великобритания, со времён пиратов (XVI в.) вроде Фрэнсиса Дрейка дающая своим агентам «лицензии на убийство». Потому Тэтчер, будучи лидером правых, делала, как и Черчилль, свое сугубо мерзкое левое дело. Черчилль начинал как левый политик и остался им до конца, хотя потом «косил» под консерватора.

Но если зловещее пророчество Тэтчер и сбывается, то русскоязычный левый «пипл» будет убывать в секстурах, рыночном шопинговом хрюканье и с эстрадным гоготом. Похоже, однако, что пророчество Исаяи приобретало зловещую реальность уже в бронзе памятника 1000-летию России (1862 г.) в Новгороде. На этом величественном памятнике изображены цари, князья, воеводы, святые подвижники, флотоводцы, литераторы и среди них даже автор одной всего пьесы Грибоедов и переводчик Гнедич, да Фонвизин с баснописцем Крыловым. Между тем в великой земледельческой стране не нашлось места первому агроному, замечательному офицеру и выдающемуся хозяину и литератору Андрею Болотову, нет на памятнике ни одного учёного, даже Ломоносова и Лобачевского. Но самое поразительное, среди столпов державы нет ни одного предпринимателя, промышленника, судостроителя. Такое государство действительно представлялось колоссом на глиняных ногах. На памятнике ни одного из знаменитой семьи промышленников Демидовых и, что особенно поразительно, ни одного представителя великой четырёхсотлетней династии промышленных воротил Строгановых. Ни один промышленный дом в Европе нельзя поставить рядом с могучим кланом Строгановых. Аника Строганов первую свою солевую варницу поставил в 1515 году. Аника Строганов был рачителен, строг, энергичен и честен. Перед смертью Аника принял схиму с именем Иосиф в честь самого тогда прославленного старца преподобного Иосифа Волоцкого. Последнего тоже нет на памятнике. В боярском роду преп. Иосифа (Ивана Санина) было 18 монашеских имён. Его правнук по матери св. Макарий, митрополит Московский, автор великих «Четьи Миней», венчал на царство Ивана IV, собрал Стоглавый собор, организовал первую типографию Ивана Фёдорова, вдохновил Ивана IV на Казанский поход. Верные ученики преп. Иосифа Волоцкого составили своеобразный духовный орден или братство «осифлян». Они заняли ключевые позиции в церкви и в государстве и, по сути, сделали новую Россию.

Образ Иосифа Волоцкого не мог не оказать сильного влияния на Анику Строганова. Его потомки «Аниковичи», верные осифлянству, создали самый могущественный и богатый промышленный дом в Европе. Строгановы строили домны и корабли, лили ядра и пушки, возводили храмы и торговали по всей России. Они же, «аниковичи», призвали Ермака и, отправив его в Сибирь, верные традиции дали ему в отряд монахов с тем, чтобы поход носил строго православный характер.

На памятнике 1000-летия России нет ни одного Строганова, хотя ко времени возведения памятника великий род предпринимателей действовал уже четыреста лет на пользу России.

Итак, на памятнике 1000-летия ни одного великого земледельца, ни одного учёного, ни единого промышленника. А до начала Японской войны и крамолы 1905 года остаётся всего-то полвека.

К числу ненормальностей ещё надо отнести, что на памятнике представлены сподвижники Ивана IV; Сильвестр и Адашев, святители-осифляне Макарий, Варсонофий и Гурий, присутствует даже супруга Ивана IV Анастасия Романова, но, видимо, с лёгкой руки «республиканца в душе» Карамзина, нет там самого Ивана IV Грозного. Неудивительно, что к такому памятнику по Волхову прибыл император Александр II на придворных яхтах, с либерально-глуповатой игривостью названных «Красотка» и «Кокотка». В этих названиях уже заложены все будущие провалы царствования, завершившегося кровью Самодержца.

Ещё Фридрих II говорил: «Пережитое прошлое бесполезно, если его не продумать». К открытию памятника 1000-летия в России прожили 40 поколений (по четыре поколения на столетие). За эти сорок поколений ни одно из них не прошло серьёзной евангелизации. Россия была крещена, но не просвещена. Летописи пытались зафиксировать прошедшие события, но кому они были доступны? Свод одухотворённого прошлого нации попробовал изложить «осифлянин» митрополит Макарий (XVI в.) в своей богатырской попытке Великих Четырёх Миней.

Каждое поколение должно было рождать в России мужей, которые излагали бы пытливым молодёжи пережитое их отцами и дедами. Великий Петр сам редактировал «Историю Свейской войны». Но вот прошло четыре поколения после Петра Преобразователя. Вышла «История» Татищева и «Деяния Петра Великого» Голикова. Последняя книга была почти в каждом дворянском доме и на столе императора Николая I. Наконец, Карамзин «постригся» в историки и издал «Историю Государства Российского». А после смерти Николая I и установления памятника 1000-летия России вместе с раздавленными, униженными и оскорблёнными и ордой – вышедшими из «Шинели» детьми дворни и развязными разночинцами, которых звали «к топору», – появились и историки, вроде ироничного любимца либералов Ключевского, который превратил историографию в род обличительной публицистики. Он главной мишенью выбрал Петра Великого, чем обеспечил себе «бешеный пиар» со стороны врагов России. Не случайно его любимым учеником был такой клеветник и шпион, как кадет Милюков.

Одним словом, пережить прошлое русскому обществу не позволили.

Характерно, что во второй половине XIX века немецкие студенты устраивали забастовки, требуя удалить из университетов русских студентов, которые и сами не учатся, и немцам мешают учиться. Дети дворни уже разгулялись в Европе, а больные мутанты вроде Бакунина призывали взрывать и жечь всё вокруг. Прошло после Чернобыля и ввода войск в Афганистан и потрясений, перестройки четверть века. Но, похоже, по неспособности «продумывать прошлое» и обезьянничанию «битлов», дрыг-«попсы» и прочей грязи мы не имеем себе равных в мире по беспамятству, и всё пережитое нами летит в какую-то чёрную дыру.

«Язык создает нацию» – говорил французский филолог Барт. Это было известно задолго до французского филолога. Язык не только создает нацию и бережёт её целостность и духовность. Он, язык, в силу своего могущества способен расчленив нацию и стереть её в лагерную пыль и мат по преступной

беспечности носителей языка и по отсутствию у народа своей иммунной стражи. В этом плане Россия не только не защищена, но является беспризорной и бесприютной землёй.

Россия будет территориально и политически едина до тех пор, пока она будет духовно целостна. Если в обществе люди обращаются друг к другу впервые со времён древне-каменного века по половому признаку «мужчина» и «женщина», то от такого общества веет могильным холодом вырождения.

Раньше в России были в ходу такие понятия как «волость», «княжество», «область», «удел», «земля». Все они были синонимами и говорили о длительной традиции. Чтобы обрезать память, коммунисты заменили их на ГУЛАГовский жаргон: «район», «территория», «лагерь», «зона». Все названия нерусские и абстрактные. Но после 1991 года стало ещё хуже, креативные мошенники почти всё заменили на мёртвые слова «субъект» и «регион», пообещав всем «субъектам федерации» полный «комфорт». На этом, на радость тэтчерам и бжезинским, чтобы расчленить историческое время России и окончательно обрезать память, стали внедрять бешено слово «бизнес». Уже нет тысячелетнего русского дела, многовековых промышленных и купеческих родов, нет русской деловой этики, есть только любимый всеми креативными ворами «бизнес». Но, действительно, Бог шельму метит. Они и впрямь «бизнесмены», ибо вор и бизнесмен у нас синонимы. Слава Богу, Палата у нас ещё именуется пока «Палатой промышленников и предпринимателей».

Слово «бизнес» – поганое слово и мёртвое, оно внедряется как смертный приговор русскому предпринимательству и делу, и всем тем, кто веками прославлял русское дело: Анике (Иосифу) Строганову и всем «аниковичам» из рода в род; «крутому» предпринимателю атаману и воротиле Ерофею Хабарову; спасителю Отечества Козьме Минину; могучему оружейному роду Демидовых; Третьяковым, подарившим России великую галерею; величайшему заводчику, моряку и математику Николаю Путилову; Мамонтову; Чижову; Вавиловым; Алексеевым (режиссёр Станиславский один из них); Боткиным (два последних Боткина были генералами медицинской службы и лейб-медиками императоров, Евгений Боткин причислен к лику святых); Рябушинским и тысячам других достойнейших мужей из Сада Пречистой.

БЕРЕГИТЕ ОФИЦЕРА

Мы не забыли об офицерских шарфах как о символе воинской доблести, приравненных к погонам-знакам офицерской чести. С первого часа сражений потешных полков в святых Азовских походах начинается их двухвековая крестоносная жизнь. И 23-летний царь Пётр, и его молодая рать, с которой Государь сдружился с отрочества, под стенами Азова воспринимали себя воинством христовым и в священном походе. Менялись государи и эпохи, высказанное Суворовым: «Бог нам Генерал, Он нас водит», религиозное чувство никогда не покидало русских солдат и особенно офицеров. Подтверждение тому жертвенность русских командиров. Все двести лет во всех сражениях в процентном отношении офицеров погибало больше, чем рядовых. По

российскому обыкновению, ни солдаты, ни офицеры о своём героизме не распространялись, но оставались воинством, поистине христолюбивым. В наивысшей степени эта жертвенность была свойственна гвардии. Религиозная сущность служения русского офицерства наиболее ярко проявилась в Ледяных походах Кубани и Сибири и в Галлиполийском и Лемносском сражении, ставшем духовным чудом. В Ледяной поход с Корниловым в начале марта 1918 года ушли три тысячи отборных воинов, три тысячи, которые стоили трёхсот тысяч и миллиона. Строго религиозный оттенок походу придавало то обстоятельство, что обстрелянные кадровые офицеры все до единого занимали должности ниже тех, которые у них были на войне при тех же званиях. Целый ряд боевых генералов шли рядовыми в общем строю. Со штабом Корнилова шёл и протоиерей Валентин Свенцицкий, великий подвижник. Такого религиозного похода не знала история. Эмблемой похода они вскоре изберут золотой меч в терновом венце, и эта эмблема будет им сопутствовать до братских могил на кладбищах Сент-Женевьев де Буа под Парижем. Господь позаботился, чтобы святой поход сопровождала такая же священная лира великих поэтов. Белая борьба дала четырёх великих поэтов и все они, как и при юности Пушкина, были офицерами. Это «царский гуслир» конногвардеец Сергей Бехтеев; столбовой казак лейб-атаманец, четырежды раненый Николай Туроверов; капитан Арсений Несмелов и подпоручик-улан Иван Савин. Умирая, 27-летний Савин написал слабеющей рукой: «Произведённый смертью в подпоручики Лейб-гвардии Господнего полка». В огне религиозно-гражданской войны погибли четыре брата Ивана Савина и две его сестры.

Участник Ледяного похода Николай Туроверов напишет:

*И Русь роднее нам и ближе
И я смотрю... Темнеет твердь.
Меня с тобой метель сдружила,
Когда на подвиг и на смерть
Нас увлекал в снега Корнилов.*

Если не считать великого потомка Семиреченских казаков Павла Васильева, гениальнее этих четырёх поэтов-офицеров весь русский XX век никого не дал. О.Мандельштам как-то написал: «В России пишут четверо – я, Васильев, Пастернак и Ахматова». Двоих последних мы оставим литературоведам, давно их воспевающим. Ни по дарованию, ни по мученическому пути они несопоставимы с Павлом Васильевым, этим величайшим после Пушкина поэтом, ни с Осипом Мандельштамом, тончайшим лириком и беспощадно честным человеком. Мандельштам мог вырвать из рук чекиста Блюмкина незаполненные расстрельные бланки и швырнуть их в огонь, а в другой раз дать пощечину двуличному и беспринципному Алексею Толстому, который не был графом и был не очень Толстым.

Все четверо великих русских поэтов из Лебединого стана создавали стихи, не выходя из сечи, и могли вслед за Арсением Несмеловым сказать:

*Надо мною рвутся шрапнели
Птиц быстрее взлетают клинки.*

О Ледяном походе священник Валентин Свенцицкий напишет: «Три тысячи юношей... и с такой армией боговдохновенный вождь пошёл завоевывать Россию. Начался беспремерный поход на Екатеринодар... молодежь, как на Голгофу, идущая спасать Россию».

Обращаю внимание читателя на то, что слова «*боговдохновенный вождь*» принадлежит не мне, а участнику похода, святому протоиерею Валентину Свенцицкому, как и слова «*на Голгофу идущая*».

Следует заметить, что после почти столетия клеветы Белая армия не была разбита. Она покинула Родину на кораблях даже не изгнанная, а выдвленная из Крыма при сорокакратном превосходстве красных полчищ.

По поводу заповеди «Не убий» отец Валентин Свенцицкий написал: «Войдите в станицу после изгнания оттуда большевиков, и вы поймёте, какое святое дело любви совершается силой оружия». Не забудем эти слова: «святое дело» и «силой оружия» – ибо они ключевые.

Марина Цветаева чутьём поэта сразу постигла миссию Белой армии, когда написала 24 марта 1918 года:

*... Не лебедей это в небе стая:
Белогвардейская рать святая
Белым видением тает, тает...
Старого мира – последний сон:
Молодость-Доблесть-Вандея-Дон.*

Раз уж упомянута «Вандея», то совершенно необходимо вспомнить духовного предтечу Белой армии святого князя Италийского Александра Суворова, который писал из-под Варшавы французскому монархисту генералу де Шаретту: «Привет тебе, герой Вандеи! Славный защитник веры твоих отцов и престола государей твоих... И вы, бессмертные вандейцы, верные хранители чести французов... Нечестивые да погибнут... Доблестный Шаретт!.. Честь французских рыцарей... Лети, руби, рази – и победа последует стопам твоим! Таковы суть желания воина, кой поседел на поле чести».

И веший лейб-атаманец Николай Туроверов не мог не вспомнить Суворова, о котором через полвека после кончины генералиссимуса скажет старый гренадёр: «Он не только нам был отец, он всей России отец».

Туроверов увидел не парадного полководца в строках:

*Ты понял, быть может, не веря и плача,
Что с жизнью прощаться пора.
Скакала по фронту соловая кляча,
Солдаты кричали «Ура!».
Кричали войска в иступлённом восторге,
Увидя в солдатском раю
Распахнутый ворот, на шее Георгий –
Воздушную немощь твою.*

Теперь понятно, почему в 2000 году в связи с 200-летием со дня кончины Суворова ни один канал и ни одна газета не проронили ни слова. Видимо, это к

лучшему. Креативные мошенники не должны фальшивыми словами осквернять святых. Достаточно того, что о нём написал бывший преобразенец Державин. В день похорон на могиле Суворова пел Хор Государевых Певчих Дьяков (тогда именован Придворной капеллой). Суворов был в Ледяном походе. Туроверов испил до дна чашу беженства, но казачеству остался верен до конца.

Как счастлив, когда приснится

Мне ласка нежная отца,

Моя далекая станция

У быстроводного Донца.

Генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель всегда отличался особой религиозной настроенностью, чему способствовала и атмосфера в императорских гвардейских полках в начале XX века до войны 1914 года. Атмосфера духовного поиска доминировала в полках. Барон Врангель в конной гвардии улавливал эти токи. Первым поразил гвардию лейб-гусар Александр Ксаверьевич Булатович, сын генерала и выпускник Александровского (бывшего Царскосельского) лицея.

В 1895 году в начале царствования императора Николая Александровича случилось итало-эфиопская война. Точней – Италия напала на Эфиопию. Русские сочувствовали слабой православной Абиссинии. В марте 1896 года Государь Николай II занес в дневник: «Утром читал с изумлением телеграммы о поражении итальянцев абиссинцами, последние раскатали их 15-тысячную армию». Российский Красный Крест отправил в Эфиопию санитарный отряд. Лейб-гусара Александра Булатовича не привлекали балы и офицерские кутежи, душа его требовала подвига и высоких свершений. Он попросился в Эфиопию. Император Менелик II предложил ему принять участие в походе на дикий юг Абиссинии. Булатович был в восторге. Эфиопам он понравился кавалерийской лихостью, бесстрашием и образованностью. В 1900 году Булатович отправился в Китай, но там схватил тиф и вынужден был оставить армию. По совету отца Иоанна Кронштадтского лейб-гусарский офицер, принявший постриг, отправился на Афон, где Булатович стал одним из вождей «имяславцев» – русских монахов, число коих на Афоне достигло семи тысяч, и это была весьма боевая братия. Афон стали на Руси именовать «Монашеским Доном» за дерзостное поведение имяславцев.

Новомученик отец Иоанн (фон Фирхов) служил в кавалергардах. После озарения он раздал имущество и ушёл в монастырь. Разговоров было много среди офицеров.

Георгиевский кавалер офицер Чичагов в 1910 году уже был епископом Кишинёвским. Позже свт. Серафим Чичагов будет митрополитом в Северной столице, а в 1937 году будет убит на Бутовском полигоне, куда старца принесут для казни на носилках.

Епископ Леонтий (барон фон Вимпфен), викарий Астразанской епархии, будет казнён по приказу Кирова и при его личном участии.

Один из последних Оптинских старцев архимандрит Агапит (барон фон Таубе) был причастен к созданию «катакомбной» церкви. Он был арестован в 1927

году и сгинул в страшном концлагере на Соловках. Эти дворяне были из круга барона Врангеля, и их было довольно много.

Барон Врангель назначил в своей Русской армии епископа Вениамина (Федченкова) руководителем духовенства. Врангель был захвачен идеей создания в Белой армии военно-духовных офицерских орденов. По недостоверным данным, барон Врангель в гражданскую войну уже был тайно пострижен.

Исключительной духовной настроенности был генерал Александр Кутепов. Очень много боевых офицеров Белой армии стали священнослужителями и даже архиереями Русской Зарубежной церкви. В их числе архиепископ Сан-францисский Иоанн (князь Шаховской). Ещё большее число священнослужителей выставили из своих рядов воспитанники кадетских корпусов. Митрополит Шанхайский Иоанн (Максимович), выпускник Петровско-Полтавского кадетского корпуса. Предстоятель Русской Зарубежной церкви митрополит Виталий (Устинов) тоже из бывших кадет. Благородный идеализм офицеров, юнкеров и кадет послужил России не только на поле боя, но и укрепил её церковь в трудные годы рассеяния.

Судьба привела поручика Арсения Несмелова в ноябре 1917 года в Москву. Здесь его застало восстание юнкеров и кадет против большевистского переворота. Поручик Несмелов решительно принял участие в восстании. Позже он с горечью заметит:

*Отважной горстки юнкеров
Ты не помог, громадный город.*

Озверевший от пережитого страха пролетарии и солдаты-дезертиры добивали штыками раненых юнкеров даже в госпиталях. В частности, в госпитале Петра Великого, ныне имени Бурденко. Несмелов воевал на Восточном фронте в составе войск адмирала Колчака.

*К Екатеринбургу нас помчит заря:
Там наш Император. Мы уже мечтали
Об освобождении Русского царя.*

Провидению было угодно озвучить Белое дело лирой великих поэтов, придав их жертвенному пути свет и душу. Подлинно великим поэтам не нужны салонные изыски. Их песни рождаются под грохот разрывов и в свисте пуль, и мы ловим каждое их слово.

*И опять победа. Загоняем туже
Красные отряды в тесное кольцо.
Почему нет песен, братья, почему же
У гонца из штаба мёртвое лицо?
Почему рыдает седоусый воин?
В каждом сердце словно – всех пожарниц гарь?
В Екатеринбурге, никни головою,
Мучеником умер кроткий Государь.*

И Николай Туроверов, и Арсений Несмелов не раз возвращаются к Суворову как соратнику и соучастнику борьбы. В Смутное время, когда ляхи осаждали Троице-Сергиев монастырь, защитники-монахи не раз видели Сергия Радонежского в образе грозного всадника. В стихотворении «Суворовское знамя» Несмелов пишет:

*За черту пылавшей деревушки
Отошёл Фанагорийский полк.
В это утро перебило лучших
Офицеров. Командир сражён.
И совсем молоденький поручик
Наш, четвёртый, принял батальон.
А при батальоне было знамя
И молил поручик в грозный час,
Чтобы Небо сжалилось над нами,
Чтобы Бог святыню нашу спас.*

Когда же враг наваливается всей силой и начинает теснить белых, поэт восклицает:

*Оставалось только умереть.
И тогда, клянусь, немало взоров
Тот навек запечатлело миг –
Сам генералиссимус Суворов
У святого знамени возник.
Был он худ, был с пудреной косицей,
Со звездою был его мундир.*

Образ святого князя Суворова не покидает белых воинов, как и лик Государя-страстотерпца. Устами белых поэтов выражаются сокровенные чувства всех воинов, тот дух, который создаст на полуострове под Царьградом единственный в России военно-духовный орден галлиполийцев – единственное и грозное русское военное братство. Позже, в Париже, орден галлиполийцев получит наименование Русский Обще-Воинский Союз (РОВС) во главе с бароном Петром Врангелем. Его заменит самый великий после Суворова воин генерал от инфантерии Александр Кутепов-великомученик. Арсений Несмелов утверждал в стихотворении «Великим постом»: «*Чем нам трудней, тем крепче вера в нас*» и там же строки по сути офицера-монаха:

*От многого мы всё же отказались.
Но веру нашу свято мы храним,
Мы прадедовский бережём обычай
И мы потерь не сделали добычей
То, что считаем русским и святым.*

Это не витийство в петербургской «Башне», не салонный декаданс и не разрешённые завывания в Политехническом музее. У поэтов Лебединого стана каждое слово оплачено кровью. По сравнению с ними поэты серебряного блуда и оттаявшие в оттепели наши стихоложцы кажутся салонными кенарями.

Причём от этих кенарей останутся скоро только архивные воспоминания, а поэты Лебединого стана с каждым годом будут сиять неземным светом и находить поклонников.

Сергей Бехтеев, выпускник Александровского (Царскосельского) лицея, боевой офицер, пожалуй, самый религиозный поэт в русской истории с пророческим даром и исключительной верностью Государю, с верностью, почти невиданной в нашем Отечестве. Он родился в родовом имении Липовка под древним Ельцом. Теперь и в Липовке, и в уезде ни одного дворянина, как и ни одной липы. Всё коренное вырублено под корень.

Бехтеевы тяготели всегда к церкви и к морской службе. Имя Сергей в роду традиционное, в память о святом Сергии Радонежском. По выпуске из лицея (1903 г.) Сергей Сергеевич Бехтеев издал сборник стихов и посвятил его императрице-матери Марии Фёдоровне. С началом «Германской» войны Бехтеев поступает в кавалерию и уезжает на фронт. С началом Гражданской войны Сергей Бехтеев вступает в Добровольческую армию и воюет до исхода Белой армии из Крыма. Военная страда – с 1914 года по 1920 год с боями, ранениями, наградами, стихами.

Сергей Бехтеев практически ровесник Александра Блока, но судьбы поучительно противоположны. Блок в войну какое-то время будет подвизаться в «земгусарах» писарем. Есенин дезертирует и, комплексуя, будет этим вызывающе гордиться.

*Под грохот и рёв мортир,
Другую явил я отвагу,
Был первый в стране дезертир.*

Маяковский «по благу» устроится в Автомобильную Роту, чтобы не попасть на фронт, а после Февраля «товарищ Маузер» провоцирует арест командира Роты в отместку за строгость.

Сергей Бехтеев на их фоне кристален и выбрал путь военно-религиозного подвижника по примеру пушкинского рыцаря.

*Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой.
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.*

В этих четырёх гениальных строках Пушкин дал сокровенный и невидимый миру автопортрет, свой до сих пор неразгаданный облик.

Стихотворение Бехтеева «У креста» следует дать целиком в силу вложенных в него программных идей:

*Шумит народ, тупой и дикий,
Бунтует чернь. Как в оны дни,
Несутся яростные крики:
«Распни его, Пилат, распни!
Распни за то, что он смиренный,
За то, что кроток лик его.
За то, что в благости презренной*

*Он не обидел никого.
Взгляни, ему ли править нами,
Ему ли, жалкому, карать!
Ему ли кроткими устами
Своим рабам повелевать?
Бессилен он пред общей ложью,
Пред злобой, близкой нам всегда,
И ни за что к его подножью
Мы не склонимся никогда!
И зло свершилось! Им в угоду
Пилат оправдан и омыт,
И на посмешище народу
Царь оклеветан... и... убит!
Нависла мгла. Клубятся тени.
Молчат державные уста.
Склонись, Россия, на колени
К подножью Царского Креста!*

Три сестры Сергей Бехтеева были фрейлинами императрицы Александры Фёдоровны. Бехтеев был из тех офицеров, кто предпринимал действия для освобождения Царской Семьи из Тобольска. До Царской Семьи доходят в Сибирь стихи великого поэта, посвящённые августейшим узникам. После исхода Белой армии Сергей Бехтеев поселяется в Сербии. Редактирует монархическую газету «Русский стяг», пишет автобиографический роман «Два письма», издаёт свои сборники стихов. Но ни одного Белого поэта нельзя рассматривать в привычных рамках литературоведения. Их судьбы уникальны. Николай Туроверов покоится среди «атаманцев» на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Арсений Несмелов сгинул в узилищах после занятия Харбина Красной армией в 1945 году. Иван Савин умер совсем молодым от заражения крови в Финляндии. Его стихи расхватывались эмигрантами. От них был в восторге даже привередливый Иван Бунин. Сергей Бехтеев переехал в Ниццу и стал старостой церкви во имя иконы Божией Матери Державная. Весь их путь был с мечом и в терновом венце. Таких поэтов на Руси не было. Певцы. Офицеры. Изгнанники. Сергей Бехтеев жил монахом в миру. Он мало с кем общался и чувствовал потребность «в затворе». Мысли о погибшей Царской Семье поглощали всё его существо и его молитвы. Он знал, что без царя не будет правды и России. Он не замечал никаких европейских событий. Даже мировая война мало его задела. Поэт думал только о Государе и России. Ещё в 1917 году он написал стихотворение «О видении Дивеевской старицы». Это стихотворение – единственное в мировой поэзии по дерзновенному пророчеству. Старица видит царя своего с сонмом великих святых у Христа. Спаситель утешает старицу и обещает ей посадить царя её рядом с собой, ближе, чем апостолов и всех святых. О видении старицы Бехтеев узнал в 1917 году, когда Государь был ещё жив, после отречения и явления Державной иконы.

По этому видению, переложенному Бехтеевым в стихотворную форму, в том же 1917 году выходит, что за две тысячи лет после распятия Спасителя первым после Христа на небесах избирается Русский Царь Николай Александрович. Это пророческое видение, переданное Сергеем Бехтеевым, изменяет небесную иерархию всего мирового христианства и изменяет судьбы мира. И есть тому «знаки времен».

Швейцарец Пьер Жильяр, воспитатель цесаревича Алексея Николаевича, был с Царской Семьёй до конца, а вернувшись на родину, принял Православие. Пьер Жильяр написал: «Император и Императрица думали, что они умирают за Отчизну. Они умерли за всё человечество». Так же думал учитель английского языка царских детей британец Чарльз Сидней Гиббс. До возвращения на родину он принял Православие в Харбине, где его крестил и постриг знаменитый архиепископ Нестор Камчатский (Анисимов). Сидней Гиббс принял иночество с именем Николай.

Арсений Несмелов, поражённый фантастическими подвигами молодого 30-летнего генерала барона Унгерна в Монголии, написал «Балладу о Даурском бароне». Баллада широко разошлась и ходила в рукописях. Несмелов не написал о последнем приказе потомка крестоносцев Унгерна. Но приказ № 15 пришёлся бы особенно по душе Сергею Бехтееву. В этом приказе есть не военная фраза; почти из древнего эпоса: *«Не стало царей, а вместе с ними не стало счастья»*. Эти слова пришлись бы по душе участнику двух Кубанских походов и кавалеру ордена св. Георгия IV степени генерал-майору Николаю Васильевичу Нагаеву. В конце 1918 года генерал Нагаев участвовал в формировании гвардейских частей Белой армии. После исхода генерал Нагаев примет постриг и станет архиепископом в Великобритании. Белый генерал Нагаев дорог нам не только тем, что соединил воинский путь с монашеским, но, что важнее, Нагаев связал петровские офицерские шарфы с шарфами императора Николая II. Генерал Николай Нагаев потомок сподвижника Петра Великого адмирала Алексея Нагаева (1704-1781), учёного, гидрографа, картографа. Возглавлял Морскую академию и исполнял должность Президента Адмиралтейств-коллегии. В заключении хотелось бы, никому не навязывая своего мнения, выразить скромное, но твёрдое убеждение, что один из офицеров «Лейб-гвардии Господнего полка», а именно Иван Савин, потерявший на войне двух сестёр и четырёх братьев, является автором лучшего стихотворения в мировой истории. Эта неожиданная, на первый взгляд, оценка, включает и перелом мировых эпох, и беспощадность войны, и высочайшие ставки в борьбе. Вот это стихотворение.

*Оттого высоки наши плечи,
А в котомках акриды и мёд,
Что мы грозной дружины предтечи,
Славословим Крестовый поход.*

*Оттого мы в служенье суровом
К Иордану святому зовём,
Что за нами, крестьящими словом,
Будет воин, крестьящий мечом.*

*Да взлетят белокрылые латы!
Да сверкнёт золотое копье!
Я немеркнущей славы глашатай,
Отдал Господу сердце своё...*

*Да придет!.. Высокие плечи
Преклоняя на белом лугу,
Я походные песни, как свечи,
Перед ликом России зажгу.*

Таков символ веры военно-духовного ордена «галлиполийцев» и казаков «лемноса», ставший Общерусским Воинским Союзом (РОВС), символ, выраженный поэтами-офицерами Лебединого стана, верными Петровско-Суворовскому завету: «Бог создал Россию только одну – она соперниц не имеет». Князь Суворов: «Равнение по передним». На офицерские шарфы. С искрой этого символа веры в душе 24 июня 1945 года из Спасских ворот Кремля вылетел императорский драгун и Георгиевский кавалер маршал Жуков под звуки гимна-марша Глинки на слова Жуковского «Славься, славься, русский народ». Гимн Глинки родился из победных военно-религиозных кантов Великого Петра. Герой Советского Союза Василий Маргелов из жуковских войск, бравших Берлин, после войны примет Черниговскую гвардейскую десантно-штурмовую дивизию и первый раз в жизни прыгнет с парашютом. И «расплескалась синева». Маргелов – сын дважды Георгиевского кавалера императорской армии, основанной «огнестрельным художником» Петром. В ночь на 1 марта 2000 года 6-я рота 104-го парашютно-десантного полка 76-й гвардейской воздушно-десантной Черниговской дивизии встала в Аргунском ущелье против почти 30-кратно превосходивших её сил террористов. На каждого десантника приходилось 27 боевиков. Десантники стояли насмерть до последнего патрона и вдоха. Из девяноста бойцов 6-й роты в живых остались лишь шесть раненых десантников.

Через две с половиной тысячи лет десантники-гвардейцы из Черниговской дивизии повторили подвиг трехсот спартанцев Леонида и вошли в анналы истории как русская вершина человеческого духа.

Указом президента Российской Федерации от 12 марта 2000 года за мужество и героизм, проявленные в боях с террористами на территории Северного Кавказа 22 воинам присвоено звание Героя России. Из этих 22 героев 13 офицеров и все они награждены посмертно.

Трёхсотлетняя традиция петровских офицерских шарфов не прервалась. В процентном отношении офицеров погибает больше, чем рядовых.

Через два дня после этого указа президента 14 марта 2000 года в Покровском соборе Новоспасского монастыря в Москве состоялась панихида по воинам Черниговской десантной дивизии, погибшим в Чечне. На панихиде присутствовал Святейший Патриарх Алексей II, исполняющий обязанности президента Российской Федерации Владимир Путин, министр обороны маршал Игорь Сергеев. Поэт Виктор Верстаков откликнулся строками:

Погибшая, бессмертной

*Ты стала наяву
В бою под Улус-Кертом
Как в битве за Москву.*

*Прощай, шестая рота,
Ушедшая в века, –
Бессмертная пехота
Небесного полка.*

В Лейб-гвардию Господнего полка влились десантники.

* * *

Пока же торжествуют креативные мошенники и их «дворня» из телесловоблудов, посредственных расплодившихся театров и дрыгпопсы. Между тем в силе остаётся вечное и грозное время офицеров. Речь об офицерах всех силовых структур. Время офицеров – это время России. Не будет офицеров и никакая сила на свете не оставит Россию на карте мира. Набатом бьёт время отбора офицеров для спасения России. Подпоручик Иван Савин скажет, как подобает одному из апостолов русского идеализма:

*Я – Иван, не помнящий родства,
Господом поставленный в дозоре.*

В мае 1917 года, когда Россия стояла над пропастью, в Ставке (Могилёв) созвали первое Общерусское офицерское собрание. На собрание примчался встревоженный адвокатишка Керенский, звеня шпорами, и с ним Пуришкевич. Генерал Деникин, к могиле которого принесли букеты роз президент Путин и Патриарх Кирилл, тогда в заключительном слове сказал: «Берегите офицера. Ибо от века и донныне он стоит верно и бесменно на страже русской государственности, сменить его сможет только смерть».

* * *

Кто же был прямым духовным предтечей юнкеров, когда Государю и России угрожала смертельная опасность? Ими стали после Ломоносова и преображенца Державина поручик ополчения 1812 года «Певец во стане русских воинов» Василий Жуковский и Александр Пушкин. Они прямо протягивают руку юнкерам 1917 года. В период польского мятежа (1830-1831гг.) Пушкин самый решительный и вдохновенный соратник императора Николая Павловича во всей России. Мятеж Варшавы был продолжением тайной крамолы в Париже и свержения в июле 1830 г. короля Карла X. И царь, и Пушкин понимали, что это события одной цепи с предательством офицеров в декабре 1925 года. Пушкин писал: «Теперь время, чуть ли не столь же грозное, как в 1812». Поэт с тревогой говорил друзьям, что того и гляди «вновь вся Европа навяжется на нас». Со дня Воплощения Господня за последние двадцать веков Европа и мир в целом знают сотни случаев преступного захвата власти по сговору. В XVIII столетии во Франции впервые переворот назовут словом «революция» и станут

облекать это слово романтическим флёром как борьбу свободолюбцев с деспотией. За двести лет после комического захвата Бастилии с шестью сидельцами, двое из которых умалишённые, пройдут во Франции ещё три крупных переворота (1830 г., 1848 г. и 1871 г.). Первые два (1830, 1848) вместе с польским (1830) и Венгерским (1848) мятежами придутся на царствование императора Николая I. Итого четыре мятежа в Европе на одно царствование и пятый мятеж офицеров в декабре 1825 года, который царь разогнал картечью. На долю Николая I пришлось три подавления крамолы – Польская (1830), Венгерская (1848) и доморощенная (декабрь 1825). За эти подвиги перед европейской культурой враги окружают Государя Николая Павловича ненавистью и клеветой. Кстати, венгры и поляки – католики, однако подавление мятежей среди них вызывало глубокое удовлетворение и благодарность римских пап и русской церкви.

Пушкин быстро понял природу крамол в Европе и с годами становился всё более религиозен и беззаветен по отношению к идее монархии. Когда эпидемия холеры добралась до столицы, царь буквально примчался туда из Москвы, чтобы успокоить подданных. Он проделал на санях путь в 700 верст за 38 часов! Появление Государя среди холерных больных вызвало восторг Пушкина, и он тогда же написал П.А. Осиповой: «Один царский голос, как звон святой, раздаётся на площади».

Запомним вещие слова поэта: «царский голос, как звон святой». Придёт время и в Кремле в ноябре 1917 г. раздастся, «как звон святой» голос юнкеров и кадет посреди крамольно-холерной Москвы.

Пушкин тогда под впечатлением подвига Государя посвятил царю два лучших стихотворения: «Герой» и «К Н.». Поэт принял строжайшие меры, чтобы его авторство не раскрылось при его жизни.

27 августа 1831 года фельдмаршал граф Паскевич, потомок именитых сечевиков с императорской гвардией вошёл в Варшаву и отправил в Петербург внука генералиссимуса Суворова ротмистра князя А.Суворова с извещением, которое начиналось словами: «Варшава у ног Вашего Императорского Величества».

Царь немедленно ответил: «Ты с помощью Бога Всемилосердного поднял вновь блеск и славу нашего оружия, ты покарал вероломных изменников, ты отомстил за Россию, ты покорила Варшаву – отныне ты Светлейший князь Варшавский».

Взятие Варшавы совпало с Днём Бородина и Пушкин тут же откликнулся «Бородинской годовщиной»:

*Сбылось – и в День Бородина
Вновь наши вторглись знамена
В проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый –
И бунт раздавленный умолк.*

Два гениальных стихотворения появились в те дни: «Бородинская годовщина» и «Клеветникам России». Первыми слушателями этих стихотворений стала царская семья.

Вновь на Русь придёт череда мятежей (1905) и преступных переворотов 1917 года – Февраль и Октябрь.

Среди мятежей, полууголовных «революций» последнего двухсотлетия с истеричными террористами и бомбистами из-за угла только однажды мир осветит святая вспышка самоотверженного подвига – это восстание в ноябре 1917 года чистых юношей: юнкеров, студентов и кадет, захвативших Кремль, где тогда шёл Поместный Собор. Ни один из пятисот делегатов не примкнул к святым юнкерам. Среди левославных соборян, радовавшихся отречению Помазанника Божиего, не нашлось Пересвета и Осляби. Витязями Господними явились юнкера, воины вечного Рима, вызванного к жизни абордажным Спасом и «Огнестрельным художником» Великим Петром. И Пушкин с ними во веки веков.

Юнкера, гардемарины и кадеты станут душой воинов Лебединого стана и явят миру зримый образ Святорусского Царства.

Вчерашние кадеты и юнкера не могли не дать Русской церкви плеяду святителей, архиереев и монахов. У них были предтечи – офицеры из пушкинского круга: капитан 2-го ранга, поэт князь Сергей Ширирский-Шихматов, с 1830 года монах Аникита, который станет возобновителем русского Афона, и великий святитель Игнатий (Брянчанинов), потомок бояр Куликова поля. Свт. Игнатий двадцать лет посвятил написанию «Аскетических опытов» и считается «возобновителем духовной жизни в России».

Выпускник Петровско-Полтавского кадетского корпуса свт. Иоанн (Максимович), архиепископ Шанхайский и Сан-франциский (1896-1966). К радости всех христиан в июне 1994 года Архиерейский Собор Русской Зарубежной Церкви прославил Владыку Иоанна в лике святых.

Предстоятель Русской Православной церкви за рубежом (РПЦЗ) митрополит Виталий (Устинов), выпускник Русского кадетского корпуса в Сербии.

Генерал-майор Нагаев Николай Васильевич (1883-1976), выпускник 1-го кадетского корпуса. Служил в гвардии. В Первую мировую войну командир полка. Награждён орденом св. Георгия IV ст. Участник Ледяного Корниловского похода, участвовал в формировании гвардейских частей в составе Добровольческой армии, В 1919 году одно время занимал должность начальника штаба сводногвардейской дивизии генерала барона Штакельберга. В Белграде принял монашество и в 1943-1944 годах один из полковых священников Русского Охранного корпуса. В 1954 году хиротонисан в сан епископа и возглавил церковь Великобритании в ранге архиепископа Ричмондского. Нагаев Н. В. потомок известного сподвижника Петра Великого гидрографа адмирала Нагаева.

Офицер Белой армии архиепископ Сан-франциский Иоанн (князь Шаховской). Епископ Уфимский Андрей (князь Ухтомский), выпускник Нижегородского кадетского корпуса имени графа Аракчеева. В Гражданскую войну окормлял войска адмирала Колчака. Создатель «катакомбной» церкви. Расстрелян в 1937 году. Новомученик.

Новомученик отец Иоанн (фон Фирхов) из кавалергардов. После озарения раздал все имения и ушел в монастырь.

Византолог по Франции, архимандрит Киприан (барон фон Керн).

Епископ Григорий (граф фон Граббе).

Митрополит Серафим Чичагов. Кавалер ордена Георгия IV степени. Расстрелян в 1937 году на полигоне в Бутово.

Алексей Иванович Грече (1895-1983). Окончил Тифлисский кадетский корпус и Павловское военное училище. В Первую мировую войну командовал полком. Принял монашеский постриг. Архиепископ Никодим РПЦЗ.

Разумеется, это не все офицеры-монахи Белой армии. Их пребывание в повести о поэтах Лебединого стана уместно и необходимо, ибо принятие ими сана после кадетских корпусов и сражений стало возможным только после взрыва лиризма, порождённого в стане рыцарей Белой мечты.

Таких монахов не знала Русская Православная Церковь за все десять веков, и таких жертвенных поэтов не знала русская поэзия.